

БЛАГОДАТЬ

Действующие лица:

Ирина

Александр

Николай Сергеевич

Тамара

Сергей

Я робок, но решителен

Комната. Входит женщина. Снимает пальто, оборачивается, чтобы закрыть дверь на ключ, и вдруг в комнату врывается мужчина, смотрит на женщину, пугается и комочком съезживается на диване.

Александр: *(робко)* Комнату сдаете?

Ирина: Вы кто?

Александр: Ну хоть угол, уголок, уголочек. Я готов даже на подоконнике жить...

Ирина: Вы кто?

Александр: Меня зовут Александр Порфирьевич. Фамилия Бе...

Ирина: Мне нет никакого дела, как вас зовут.

Александр: Но вы же спросили «Вы кто?»

Ирина: Я хотела сказать «Вон отсюда»!

Александр: То есть, не сдаете? *(пауза)* Ладно, я пошел.

(уходит)

Ирина: И ведь ушел. А я уж думала, влипла в историю... Александр Порфирьевич... На подоконнике готов жить. В горшке, наверное, – вместо цветка. Я даже знаю, чем такой цветок поливать надо *(снимает обувь, вспоминает, что снова забыла закрыть дверь на ключ, подходит к двери, и ситуация повторяется – стремительно врывается мужик, и замирает на диване)*.

Александр: Я робок, но решителен...

Ирина: Мужч... Александр Порфирьевич...

Александр: Можно просто Саша.

Ирина: Александр Порфирьевич. Я не сдаю комнату. Не сдаю. Я живу в этой комнате одна, и как, видите, здесь еще и туалет, и кухня. Планировка комнаты не предполагает вас. Мне самой здесь тесно... Тут даже горшок с вами поставить некуда (*мужчина дергает плечом*).

Александр: Извините, это тик. Лучше дать плечу подергаться. Если его пытаться остановить, начнет извиваться все тело... Извините, мы вас перебили.

Ирина: Я вряд ли предложу вам помощь. Я сосчитаю до трех, и вы покинете этот дом. Раз...

Александр: Умоляю вас, не считайте. Когда начинается этот тик, я не могу слышать никаких чисел.

Ирина: Я звоню в милицию... То есть полицию... А кстати, вы не от них бежали? А может (*со страхом, понижая голос*) - от «Праведных»?

Александр: Что вы... От них не убежишь...

Ирина: (*усмехается*) Это да. Но в полицию я все же позвоню. Не пугайтесь, я не произнесу ни одного числа, которое набираю. Тем более их всего два.

Александр: Я же просил!.. Ну вот, вы добились своего. Теперь наступил легкий паралич - так всегда бывает, когда вдруг кто-то начинает считать во время тика. Такая у меня особенность. Но вы не пугайтесь. Я минут через пятнадцать снова смогу двигаться, и уйду отсюда. Я уже к этому привык.

Ирина: Но я-то не привыкла! Александр Порфирьевич, уходите.

Александр: Рад бы, да не могу.

Ирина: Да что за чушь! Я соседей позову! Сначала ворвался, а теперь его паралич свалил.

Александр: Совершенно точно излагать изволите. Так все и было. Память у вас...

Ирина: Прекратите издеваться... А, вас Сережа прислал? Это розыгрыш, да?

Александр: Я лично знал только одного Сережу, -- как я его называл, Сергунчика, -- он любил розыгрыши, да. Вы его тоже знаете? Я ведь чувствовал, что у нас общие знакомые... Ой, кажется, нога начинает двигаться. Смотрите. (*она сначала наблюдает за оживанием ноги, потом выходит из себя*).

Ирина: Вон отсюда! Какое право вы имеете врывать в мой дом? Перестаньте себя массировать!

Александр: Но если я не буду себя массировать, я здесь еще дольше задержусь, а вы же хотели, чтобы меня здесь больше не было.

Ирина: Вот именно! (*с брезгливостью пытается схватить его за край плаща, тянет, мужчина падает на пол*) Убирайтесь, да что же это такое! Не сдаю я никаких комнат! У меня у самой одна! Одна!!! Я бы сдавала, но...

Александр: (*с пола*) Я знаю, вы сами снимаете, и рады бы сдавать, но сдавать совсем нечего. А деньги позарез нужны. Именно так вы совсем недавно говорили своей подруге Тамаре, когда занимали у нее...

Ирина: Откуда вам это известно?

Александр: Какая разница. Я просто подумал, что раз вам нужны деньги, а я могу заплатить совсем мало, но все же намного больше, чем ничего, то мы можем быть друг другу полезны. Я согласен, например, поставить вот здесь, в углу, маленькую палатку. А хозяину комнаты ничего не скажем.

Ирина: Откуда вы знаете Тамару?

Александр: Я ведь и Сережу знаю.

Ирина: *(улыбается)* Может, хватит?

Александр: Ой, я совсем ожил. Вы меня так неожиданно сбросили на пол – кажется, это помогло. Спасибо. Хотя, нервы еще не возродились, а в глазах – стада мурашек... Но в следующий раз, если меня парализует, я обязательно попрошу вас...

Ирина: *(без энергии)* Да идите вы к черту. Я вас сбросила, чтобы вышвырнуть.

Александр: Зря. Не зарекайтесь, что не окажетесь однажды в таком положении, как я.

Ирина: Если вас это утешит, я почти в таком же положении... Сколько вы готовы платить? *(он шепчет ей на ухо сумму – она с трудом выдерживает его приближение)* Нет, это смешно.

Александр: Плачу за три месяца вперед.

Ирина: То есть, вы намекаете, что я три месяца обязана буду вас терпеть?

Александр: Да вы даже замечать не будете, что я есть. Вот у вас шкаф какой просторный. Я в нем и скроюсь. И дырочки в нем какие широкие – вы же их как будто для меня сверлили! Для личного вентилирования! Я заползу сюда - и все. Похоронен. Погребен. *(открывает шкаф)*.

Ирина: Ну вы просто...

Александр: Э, да у вас тут пустенько... Решайтесь. Раз здесь почти нет одежды – значит, шкаф ждет постояльца. Ну? Не увидите меня вовсе! Только раз в месяц рука высовывается, чтобы деньги на пол положить *(звонок телефона, она подходит, не выпуская из поля зрения незваного гостя)*.

Ирина: Да... здравствуйте... Жаль... Я бы могла делать переводы дешевле. Постоянным клиентам скидки *(пытается усмехнуться)*. Но почему вдруг?... Ну, конечно, это ваше дело. Если что-то переменится, буду рада. *(кладет трубку, пауза)*.

Александр: Тамара уверяла...

Ирина: Сейчас я ей позвоню, узнаю, откуда этот подкидыш. Не двигайтесь!

Александр: Я и так с трудом... Но раз вы просите... Еще один паралич – не проблема...

Ирина: Секунду помолчите? *(набирает номер)* Тишина.

(за окном слышны гимны – про Бога, нравственность и войну)

Александр: Ира, давайте прятаться вместе?

Ирина: Вы же знаете, чем я рискую... Поселить вас без прописки... А как прописать...

Александр: Вы не волнуйтесь – законы все нарушают. Слегка. И потом подумайте: вы же не можете **прописать** меня в шкафу? Вот тогда вас действительно осудят за издевательство над законодательством.

Ирина: (*задумывается*) Предложение такое. Вы живете здесь три дня. Если меня хоть что-то не устроит, я возвращаю вам половину денег, а вы забываете мой адрес. Идет?

Александр: Согласен. Только я хотел вас предупредить, что меня, когда я был совсем молодой, ударила молния.

Ирина: Этого могли бы не сообщать.

Александр: Что, заметно?

Ирина: Это интимная подробность, а я не намерена узнавать про все ваши злоключения. Могу предположить, у вас их немало.

Александр: Просто я хотел рассказать о последствиях. Чтобы это не было для вас сюрпризом. Так вот, в детстве меня ударила молния.

Ирина: Шаровая?

Александр: Я уж не помню. Какую Бог послал. И после этого я иногда, не часто, но иногда, начинаю говорить на совершенно не известном мне языке. Это быстро проходит, но какое-то время я несу полную ахинею, причем думаю, что общаюсь на русском. Знающие люди уверяют, что это удэгейский язык. Есть такой маленький народ на Дальнем Востоке, живут охотой, рыбным промыслом. Чудесные люди! Их всего человек двести на планете осталось, не считая меня... Я отвлекся. Так вот, если я начинаю говорить на удэгейском, надо просто обождать. Через пару минут я прихожу в себя. Я еще легко отделался. Братишка мой, который наблюдал за ударом стихии по мне, от страха онемел навсегда.

Ирина: А не много ли вы от меня требуете за ваши гроши? Может, мне еще удэгейский выучить?

Александр: Нет, это излишне, тем более, что я сам этого языка не знаю. Что я говорю – только удэгеец поймет.

Она: А как по удэгейски -- «Марш в шкаф!»?

Александр: В данный момент -- так же, как и по-русски (*ныряет в шкаф*).

Итак – тайна

Тот же дом, этажом выше. Обстановка гораздо богаче. Накрыт стол – это утренний кофе для Николая Сергеевича и его супруги Тамары.

Тамара: Да, это продолжается уже две недели. Он живет у нее в шкафу. Она уверяет, что привыкла к нему... ну как к собачке, что ли.

Николай Сергеевич: Нет, Ира так не скажет.

Тамара: Ну, не к собачке, а как...

Николай Сергеевич: Тамарочка, намажешь мне маслицем хлеб? Да, черный... Что это у тебя на руке? Красное, как от поцелуя.

Тамара: *(вздых, потом злость)* Вспомни ночь.

Николай Сергеевич: А, это мои следы... А вот как их различить? Что – следствие твоих забав с другими, а что – мой, законный, супружеский след? *(встает)*. Итак, мы стоим перед проблемой...

Тамара: Я не желаю этого слышать. Если ты еще раз позволишь себе подобное, я здесь больше не появлюсь.

Николай Сергеевич: Ты уйдешь, а проблема останется.

Тамара: Это. Твоя. Проблема. *(пауза)* Ты дошел до ручки – ревнуешь сам к себе.

Николай Сергеевич: *(усмехается)* Этой ночью я дошел до твоей ручки. И только.

Тамара: Для нас это давно уже не сюрприз, Коля... Давай поговорим о чем-нибудь другом, я прошу, мне сегодня встречаться с людьми... *(примирительным тоном)* Умоляю тебя, оставь в покое меня. Как только ты это начал, у меня возникло чувство, что я устала смертельно. А ведь только утро. Не мучай меня. Ты ненормальный *(целует его)*.

Николай Сергеевич: Милая, норма – это мечта. Плод воображения самого буйного. Не усмехайся, это понятие придумали, чтобы противопоставить хоть что-то неуправляемой, фантастической реальности, чтобы хоть как-то в ней разобраться. Жизнь фантастична – и лишь это нормально. И назвав меня ненормальным, ты, не желая того, признала меня банальной частью банальной действительности *(встает)*. А из всего этого следует, что допустимо абсолютно все, мои глаза меня обманывают поминутно, и мне приходится надеяться только на свою интуицию, фантазию, галлюцинации и сны. Складно мыслю, а?

Тамара: Браво.

Николай Сергеевич: Вот только что меня мучает... Существует женский оргазм, или это такая же трепотня, как бытие божие?

Тамара: Существует. Не для всех, но существует.

Николай Сергеевич: И то и другое требует веры. С богом нужно поверить в то, чего не видишь. С оргазмом — в то, что видишь. *(Тамара через силу смеется)* И что он там делает, в шкафу? Песенки насвистывает?

Тамара: Живет. Он прекрасный портной, как оказалось, у него есть заказчики. Коля, ну я же тебе про него рассказывала! Мы встретились с ним на банкете у Нодара Петровича.

Николай Сергеевич: А, это тот самый Нодар Петрович, который зачем-то всегда садится, когда видит тебя? Я все думаю – какова причина? И что это за банкет? Я не слышал о таком.

Тамара: Я так устала от твоей ревности. Обещай, что это было в последний раз. Хотя, ты уже обещал *(усмехается)*. Тогда последний раз обещай, что это было в последний раз.

Николай Сергеевич: Последний раз обещаю, что последний раз пообещал, что это было в последний раз... *(целует ее)* То есть, она все время живет в комнате с мужчиной?

Тамара: Да. В первый день она очень смушалась, а теперь уверяет, что иногда забывает о его присутствии. Он живет так тихо, что, кажется, его совсем нет. Порой она просто не может понять, у себя он или еще не пришел. Она даже хотела привести домой Сергея, но потом вспомнила, что в шкафу – постоялец. Ты представляешь, ей пришлось об этом вспомнить! Она даже может забыть, что в комнате – еще кто-то!

Николай Сергеевич: Да, это апофеоз самоустранения. Поверь мне, она когда-нибудь об этом совсем забудет, приведет Сергея, и тогда случится изумительная сцена *(начинает показывать)*: «Ира, а кто это у тебя в шкафу песенки насвистывает?»

Тамара: Да не насвистывает он ничего.

Николай Сергеевич: А Ира скажет: «Это замечательный портной». Тот выглядывает из шкафа, снимает шляпу – он ведь сидит там в шляпе и вообще в полном обмундировании? – и вежливо так предлагает: «Монсеньер, я готов сшить для вас домашний халат по последнему пisku моды». И тогда такой писк поднимется – поверь мне, уши придется затыкать... Благо, мы живем этажом выше – поэтому весь скандал услышим, как по радио... Я понять не могу, как она могла привести к себе в дом квартиранта и ничего не сказать Сергею?

Тамара: Да как об этом скажешь?

Николай Сергеевич: Твоя логика меня пугает. *(Снова встает, Тамара меняется в лице)*. И так, тайна. Тайна между близкими людьми... *(вглядывается в нее, садится)*. Но как она объясняет Сергею, почему перестала его приглашать? А главное – как она это объясняет себе?

Тамара: Себе – тем, что Сергей, если узнает, то устроит скандал и принудит ее отказаться и от постояльца, и от денег... А при этом он сам может ее обеспечить только духами на день рождения.

Николай Сергеевич: Духами или духами?

Тамара: И тем, и другим. Он же мистик. И, похоже, шизофреник.

Николай Сергеевич: Шизофреник?

Тамара: Да, надо называть вещи своими именами. Ты же помнишь, как она привела его к нам в гости? Что он нес? И как ей было стыдно?.. Я думаю, что, если все получилось так гладко, ей не надо лишаться этих денег. Я даже тайно надеюсь, что у нее с постояльцем возникнет роман. Он по крайней мере не мистик... И не вставай так торжественно. Ты что не видишь, как я... как я на это реагирую?

Николай Сергеевич: А Ирина его прописала?

Тамара: Думаю, что нет...

Николай Сергеевич: И что я, человек государственный, человек публичный, пример для избирателей...

Тамара: Ты меня иронией не обманешь. Я лучше других знаю, насколько сильно ты сам веришь, что ты - пример...

Николай Сергеевич: И я должен покрывать преступление, творящееся в шкафу этажом ниже? Так ты лично видела этого портного?

Тамара: Я была у нее в гостях, мы просидели-проболтали полчаса, и только потом она мне рассказала, что мы были втроем.

Николай Сергеевич: Так ты его не видела?

Тамара: Нет.

Николай Сергеевич: Да она его придумала! Всегда была чудной. Знаешь, так дети придумывают себе подруг или друзей. Сама подумай, какая это чепуха: пустить к себе на нижнюю полочку шкафа мужчину, брать за это деньги...

Тамара: Но я же его видела потом! Я имею в виду, что в первый раз его не заметила и не услышала. А во второй раз – как у них заведено, трижды постучала в дверь шкафа, он спросил: «Кто там?» (*хохочет*), я представилась, и он позволил мне заглянуть туда. Он меня сразу узнал... Ну, сидит там человечек, рядом – шитье. Улыбается. Шляпу не снимал, потому что ее не было.

Николай Сергеевич: Хороший же ему оттуда открылся вид на мою жену. Он сидел, а ты стояла? Ты ведь была в короткой юбке, когда пришла к Ире? (*встает*).

Тамара: Сиди. Да, в короткой. Скажи, что я специально надела ее, чтобы он меня разглядел, и я совершила визуальную измену, что сознательно позволила глазами всю себя «облапать», и что теперь у тебя украдено то, что должно быть сокровенным. Давай, теперь можешь вставать.

Николай Сергеевич: Конечно, это ничего не значит. Совсем ничего... (*звонок на мобильный*) Да, Лида... Какой комментарий? Конечно, я продвигал этот закон, мы оба это знаем... Да, это все знают, весь электорат в курсе... Надо так надо, я всегда в строю... В «Известия»? Годится... Нет, идеология семейной реформы - казенно звучит. Лучше - идеалы семейной реформы... Записывай. (*с игривым укором говорит Тамаре*) Почему мы, государственные, не побоюсь этого слова, мужи... нет... вычеркни «не побоюсь этого слова»... заново... почему же мы, государственные мужи, всеми силами пытаемся остановить кризис семьи? Ответ прост: семья – основа государства, и кризис семьи - не что иное, как кризис государства. Повсеместный распад семейных уз свидетельствует об утрате морали, что, в свою очередь, грозит распадом России. Ведь что за государство без морали? Сборище отпетых эгоистов, жуликов и извращенцев. Такое государство обречено. Угроза очень серьезная, а потому и меры наши - адекватны угрозе. Мы начали беспощадную борьбу с теми, кто изменяет сам и провоцирует измену: мы ввели уголовную ответственность за супружескую неверность. За месяц мы достигли некоторых успехов. Пока счет наказанных невелик, но мы знаем, что изменников много, и мы их ищем. Они могут не сомневаться – мы их найдем - всех, до единого. Супружеская постель наконец-то стала местом пристального общественного внимания. Ни одно телодвижение не ускользнет от государева ока. Нет, это вычеркни... Пиши дальше. Либералы уже взвыли – но их вой входил в наши планы. Он стал прекрасным аккомпанементом к возрождению семейных ценностей силовыми методами... Хорошо? Верю тебе... Ты хихикнула? Почудилось? Дай Бог, дорогая, дай Бог... (*игриво*) Всеу? Я никогда и ничего не говорю всеу... Да! Добавь еще вот что: семья должна быть крепкой, чтобы противостоять внешней угрозе, иностранной угрозе. И когда муж отправится на передовую, жена станет солдатом в тылу. И связь меж ними, непрерываемая,

неразрушимая даже смертью связь, поможет ему – бить врагов, а ей – оставаться бдительной и верной. *(кладет мобильный на стол, Тамаре)* Можно, я встречу тебя после работы? И как тебе мой комментарий?

Тамара: Потрясающе. А когда ты отправишься на передовую?

Николай Сергеевич: Так ли крепки наши узы, чтобы я туда отправился? *(вдруг раздражается, почти кричит)* Когда семейная реформа даст плоды, в нашей жизни не будет места ни для шкафосъемщиков, ни для мистиков-шизофреников, ни для такой вот иронии! Все будет просто и понятно!

Тамара: Встречать меня не надо.

Николай Сергеевич: Как скажешь. Кофе совсем остыл.

Втроем – заживем!

Вечер следующего дня. Вваливаются нетрезвые Николай Сергеевич и Александр.

Николай Сергеевич: Я настаиваю, тысячу раз настаиваю – ты должен жить в шкафу у нас! Только у нас, и ни у кого больше!.. Обижусь, если не погостишь, если не поживешь в нашем, в нашем, в нашем шкафу... Слушай, ну мы два часа всего знакомы, а ты уже такой удивительный! Где ты раньше был? Ну красавец ты! Переезжай! Все. Заметано. А то я со своей Тамарой совсем заскучал. А втроем – заживем!

Александр: Коля, мне и у Иры хорошо. Я даже надеюсь... нет – я питаю надежду, я ее все время питаю -- в скором времени перебраться из шкафа. Поближе к ней... Но спасибо тебе, спасибо.

Николай Сергеевич: Да что у Иры за шкаф? Насмешка, а не шкаф. Недоразумение, а не шкаф. Анекдотический шкаф. Там же только гном поместится. А этот – ты погляди, какой размах! Какие ножки! Да я там семнадцать таких добрых молодцев, как ты, поселить могу. Но пушу только тебя. Если хочешь знать -- я этот шкаф четыре года назад специально для тебя купил. Я ждал тебя. Вот верь мне. Вот верь. Верить?

Александр: Да.

Николай Сергеевич: А любишь меня?

Александр: Люблю.

Николай Сергеевич: А чего скованный такой?

Александр: Ну... я вас по телевизору видел... А сейчас...

Николай Сергеевич: А голосовал за меня? А? Не лги, я душу твою вижу! Молодец! Честно молчишь! Понял тебя! *(наклоняется к Александру, доверительно)* Да и правильно, чего за такого мудака голосовать? *(Александр предпочитает не смеяться и промолчать)* И снова молодец! Два раза правильно промолчал! О, как ты мне нужен! Выпьем! *(наливает ему)* Пей еще! Ох, Саша, тяжело мне.

Александр: Что-то случилось?

Николай Сергеевич: Люблю ее. Так люблю, что безумен есмь.

Александр: Ты страстен, Николай, ты страстен!

Николай Сергеевич: Думаешь?

Александр: Я тоже, кажется, влюблен.

Николай Сергеевич: В мою жену?

Александр: Нет, в Иру.

Николай Сергеевич: А она?

Александр: Загадка!

Николай Сергеевич: Это понятно. А любит ли?

Александр: Не знаю. Завтра желаю все выяснить... Завтра момент истины и счастья! А с твоей Тамарой мы один раз виделись, и это она мне рассказала, в каком сложном положении Ира. И я был в сложном положении, и вот два сложных положения соединились, и получилось что?

Николай Сергеевич: Что?

Александр: Любовь!

Николай Сергеевич: Дак у нее же Серега есть. Парень – загляденье! Человек – умнейший! Но он тебе не соперник, нет. А если бы ты мою жену полюбил, и я б тебе соперником не был. Соратником, Саша, соратником. Я б вам постель этими руками – видишь, этими двумя – расстелил. Я бы от вас мух и всякую нечисть отгонял. У меня есть опахало. Показать?.. Ну не пялься так, не пучь глаза. Пей. Шучу. *(Александр испуганно хохочет)*. А Серега у нее с приветом. Так что мы его быстро с пути сметем. Телепат, е-мое. Пришел к нам в гости, и тут же рассказал о невиданном случае телепатии. *(Изображает Сергея)*. Ученые из Новосибирска и Коста-Рики провели совместный эксперимент. Триста человек в Новосибирске мысленно хором пели «Боже, царя храни». А в Коста-Рике триста человек принимали сигнал. И они внезапно хором запели «Ламбаду». Эксперимент можно было считать неудавшимся, если бы в прошлое воскресенье сто сорок человек из Коста-Рики, которые принимали сигнал, не захотели принять и православие. Крестил их отец Никодим по Интернету, поскольку в Коста-Рике нет православных храмов. Пока нет! Правительство Коста-Рики специальным указом запретило принимать телепатические сигналы из Святой Руси... И тут Серж как почал кричать: «Вы понимаете, какие горизонты это открывает перед нашей разведкой? Перед нашим военным делом?» И счастливою рукою поднял бокал за телепатию, астрологию и почему-то за менеджмент. Лицо Иры стало похожим на огромный помидор.

Александр: Быть не может!

Николай Сергеевич: Точно говорю! В смысле – покраснела она. А ты веришь в телепатию? Вот о чем я сейчас думаю?

Александр: Не знаю.

Николай Сергеевич: Угадал. Я ни о чем сейчас не думаю. Так может, телепатия существует?.. Нет, вообще-то думаю: не случайно в Азии идет повальная перемена пола. Все мужики переделываются в баб. А почему?

Александр: Я тебя люблю.

Николай Сергеевич: Нет, не то. Ну почему?

Александр: Хотят женщинами быть. Интересно. А кому неинтересно?

Николай Сергеевич: (*передразнивает*) Интересно... Они понимают, куда катится мир. Женщины скоро овладеют всем. И мы вскоре им будем совсем не нужны. Ну, за исключением маленькой детали (*вдруг кричит*). Мир вагиноцентричен! Вагиноцентричен!

Александр: Это как?

Николай Сергеевич: Вагина в центре мироздания!

Александр: Да ты что?!

Николай Сергеевич: Точно говорю.

Александр: Сам видел?

Николай Сергеевич: Или!

Александр: А раньше что было?

Николай Сергеевич: Ну... Мне неудобно.

Александр: Ты это все к чему, Коля? Ты гей?

Николай Сергеевич: Это ты мне? Ты мне это сказал?

Александр: Я... Я забыл кому...

Николай Сергеевич: Саня, я с незнакомыми мужчинами даже в лифт не сажусь. Со знакомыми – тем более... Слушай, а правда, что ты говоришь на каком-то нехорошем языке?

Александр: На хорошем! На удегейском!

Николай Сергеевич: Привычка не из лучших, Саня. Избавься поскорее.

Александр: Да как я могу? Это накатывает просто...

Николай Сергеевич: Ах, накатывает... Ты смельчак, если позволяешь чему-то накатывать... Бесконтрольно... Смельчак-то мне и нужен...

Александр: Да само накатывает!

Николай Сергеевич: Ну так накатим! За хитрых азиатов...

Александр: Господи, зачем же они все-таки переделываются...

Николай Сергеевич: Всеуе? Всеуе поминаешь - да? Штраф хочешь неподъемный, Саня? Я же обязан теперь уведомить, я же сам, вот этими руками и вот этой головой, закон о «неупоминании всеуе» создавал и продвигал... Но тебя – прощаю. Пей, Александр прощенный. (*Александр покорно пьет. Не до конца. Николай Сергеевич спрашивает с подозрением*) Русский ли ты человек?.. Отвечай, не раздумывая. И не вздумай вопросом на вопрос.

Александр: (*с испугом*) У меня все... многообразно все...

Николай Сергеевич: *(качает головой, с горечью)* Пропадешь ты без меня, Саня, вместе со своим многообразием пропадешь, Саня, разорят гнездо... *(кричит)* Ты русский человек? \

Александр: *(кричит)* Я русский человек!

Николай Сергеевич: И да не перевербуют тебя! Аминь. Знаешь новую молитву, недавно утвержденную Синодом и Президентом? Спасибо, Господи, что не создал меня ни жидом гонимым, ни хохлом спесивым?

Александр: Не знаю... А! Шутишь!

Николай Сергеевич: Конечно! *(задумывается)* А может и не шучу... *(пьет)* А Серегу мы враз отвадим. Мистик – мужик хлипкий. Вот тут, на твоём месте сидел и уверял, что выращивает себе третий глаз. Чтобы папу покойного узреть. *(всхлипывает)* Бедная Ирочка... Гибнут мужчины, Серега...

Александр: Я Саша.

Николай Сергеевич: Вот видишь! Я же говорил. Все перепутано, люди имена меняют несколько раз за ужин.

Александр: Вспомнил. Ира мне говорила, что Сережа очень любит папу своего.

Николай Сергеевич: Любит – слабо сказано! Только о нём, усопшем, и говорит. Нет, Сережа - это недоразумение. И вообще его мистицизм – языческий, он дурно пахнет. Чувствуешь? Чувствуешь?

Александр: Пахнет языческим мистицизмом?

Николай Сергеевич: Не наш он человек. Вот чем это пахнет. Не наш - и точка... А тебе жена моя нравится?

Александр: Красивая.

Николай Сергеевич: Не пожелай жены ближнего своего!

Александр: А я и не желаю.

Николай Сергеевич: Нет?.. Пей, Саня, золотой ты мой, ласковый ты мой, гнездо ты мое...

Александр: Не, я не гнездо, я, скорее, синяя птица.

Николай Сергеевич: Но если бы не этот мистический бзик, Серж был бы идеален до кошмара. Да и любит она его! Жуть! Все глаза проглядела, все степи обошла, семь морей проплыла, чтоб найти это сокровище. Я образно выражаюсь, ты не пугайся, Санек... Не отодвигайся ты, метафора это. Я что, не имею право на метафору?

Александр: Имеешь!

Николай Сергеевич: Вот так-то. Так что трудно тебе придется с Ирой. Зачем искать трудных путей, когда вокруг столько легких, зовущих, доступных, замужних женщин. Замужних, Сашенька! От мужа – уставших! Тебе отдают любовь, а мужу – супружеский долг. Разница, а? И муж несет тяжесть семейной жизни, тяжесть рогов, склоняется под ними, как раненый олень, а ты – легок, изящен и мил. Любишь секс?

Александр: Люблю. Во веки веков.

Николай Сергеевич: Аминь. Смотри. Вот фото *(достает фотографии)* Трезвей, трезвей. Любишь такую кожу? А маленькую грудь? Видел у кого-нибудь такие ступни? А если бы ты знал, если б ты знал, какой от нее запах! *(блаженно нюхает фотографии, передает ему)*. Узнаешь?

Александр: Тамара?

Николай Сергеевич: Она, любовь моя. Хочешь?

Александр: Ты что?

Николай Сергеевич: Трезвей, трезвей. Давай, давай. Ты друг мне?

Александр: Да.

Николай Сергеевич: Поможешь мне сладить с этим делом? В смысле – с этим телом?

Александр: С каким?

Николай Сергеевич: Ты гнездом-то не прикидывайся. В смысле – птенцом. Много, адски много денег хочешь?

Александр: Я, наверное, совсем офонарел от коньяка. Я пойду.

Николай Сергеевич: Когда вернешься, я понижу ставки. Подумай, Ира, как все женщины, любит красивые вещи. Пригласишь ее в Париж. Представляешь? Сидел среди чулок и бюстгалтеров, скромничал, а оказался подпольным миллионером. Шкафным миллионером, шикафным миллионером! *(хохочет)* Да ты интриган, Саша! Ты опасный! Ну? По рукам?

Александр: Ты серьезно? *(пауза)* Я пойду.

Николай Сергеевич: *(сует ему фотки)* Ну хоть поцелуй ее на прощанье.

Александр: *(орет)* Да зачем тебе это надо? Ты рехнулся?

Николай Сергеевич: Почему вы ко мне на ты?

Александр: Я пойду. Николай Сергеевич, я пойду.

(Александр медленно и неуверенно бредет к двери, Николай Сергеевич, паясничая, крадется рядом)

Николай Сергеевич: А насилие? Цените насилие?.. Я могу все устроить. И заплачу.

Александр: *(бредет к двери)* Боже, сколько во мне коньяка... Так, наверное, себя чувствует ко-ко-ньячная бочка... И галлюю... галлюююц... Галлюцинации слуховые.

Николай Сергеевич: Не открывайте дверь! Там зверь. Вы погибнете. Откроете дверь – а там бездна. Я всегда так думаю, когда к двери подхожу. Порой часами не решаюсь дверь открыть. Побудь лучше с нами *(показывает на фотографии)*.

Александр: Вы поспите, Николай Сергеевич. Я тоже посплю. Вы ведь пошутили?

Николай Сергеевич: Ну конечно пошутил! А вы? Поверили? Ну младенец вы, ну красавец вы! *(пытается его поцеловать)* Да я за свою Тому любого на семь частей

разорву и землю на даче удобрю (*вместе хохочут, потом резко прекращают*). Когда ее нет, только эти фотки мне жизнь и дают. А как она не хотела сниматься, как я ее уламывал – это история отдельная и захватывающая, я ее вам потом расскажу.

Александр: Дайте одну.

Николай Сергеевич: Возьмите вот эту. А то я все время, глядя на нее, мучаюсь вопросом -- она полуодета или полураздета? (*снова хохочут и так же внезапно прекращают*).

Страна не готова к психоанализу

Утро следующего дня. Комната Ирины. Она работает за столом -- переводит. Александр, наряженный и напомаженный, вдруг выпархивает из шкафа и дарит Ирине огромный букет и лист со стихами.

Александр: Вот цветы. Вот стихи. Вот я.

Ирина: Вы уверены, что все должно происходить так быстро?

Александр: Ира, почитайте стихи.

Ирина: Я почитаю. Я даже выучу наизусть. Но вы же знаете мою ситуацию.

Александр: Долой прошлое! У вас к Сергею не осталось любви – одна жалость!.. Я так кричу, потому что уверен в этом.

Ирина: Напрасно. (*ставит в вазу цветы*) Это на вас вчерашний вечер так подействовал? Вы приползли, мягко говоря, нетрезвый, прятали какую-то фотографию... А сейчас такой бодрый. Когда вы успели купить букет?

Александр: Танцуем!

Ирина: Смотрели фильмы в ускоренном режиме? Герои познакомились, тут же поцеловались, через минуту – дети, чуть погодя – развод и травмы...

Александр: Какой еще режим! Какие травмы! Дайте вашу руку! Нет, щеку! Нет – губы!

Ирина: (*смеется*) Ну я же говорю!

Александр: Моя мама уверяла, что я, когда волнуюсь, начинаю заикаться.

Ирина: Или вы сейчас совсем не волнуетесь, или ваша мама не права.

Александр: Вот теперь я уже обязан вас поцеловать.

Ирина: Саша! Я сдавала вам только шкаф...

Александр: А примыкающие к нему пространства? (*пытается ее обнять*).

Ирина: (*уворачивается*) Ваши претензии непомерно расширяются. Не пугайте меня. Не надо портить...

Александр: Прогоните меня! Избавьтесь! Задушите – мне все от вас в радость! Но сначала – танец.

Ирина: Не умею.

Александр: Бесплатные уроки танцев от Александра Бессеребренникова. *(начинает кружить ее)*.

Ирина: Вы не слишком резвы?

Александр: Для бомжа?

Ирина: Ну... для шкафона начальника.

Александр: Я счастлив, Ира.

Ирина: Саша, какой напор! Я несвободна, Саша.

Александр: *(с каждой фразой кружит ее сильнее)* Теперь – да! Только теперь. Отныне вы должны забыть, послать ко всем чертям *(Ирина прикладывает ему палец к губам: тсс)* стереть из памяти... О какой несвободе вы говорите? Кто вас неволит? Сергей? Тот, кто вызывает духов? Кто на Пасху узрел покойную тетю Агриппину? А та пообещала показать ему за стеной стриптиз? И он пошел за ней? И расквасил о стену нос?

Ирина: Я вам рассказывала об этом не для того, чтобы вы смеялись.

Александр: *(кружит еще сильнее)* А, чтоб я облился слезами? Сейчас самое время. От счастья... Я намерен вскружить вам голову. Хотя бы в танце.

Ирина: *(внезапно прерывает танец и садится за стол. Александр стоит рядом в надежде снова увлечь ее)* Да чем он хуже остальных? Мой первый мужчина впал в депрессию, когда я поступила в институт, а он нет. Гордость его мучила, пока он не обрел девушку «без высшего»... Второй был почти такой же ревнивый, как мой высокопоставленный сосед сверху. Он даже попугая завел - как записывающее устройство хотел его использовать. Каждый вечер уединялся с ним, все надеялся, что тот какие-то порочащие меня сведения... выкаркает...

Александр: Попугаи разве каркают... Вообще, я ничего этого не хочу знать!

Ирина: Третий занимался наукой так упорно, что, когда его НИИ прикрыли, он заметил это только через полгода, а еще через полгода заметил, что я его оставила. Тогда и пришел ко мне, изумленный...

Александр: Вы ведь преувеличиваете?

Ирина: Совсем чуть-чуть.

Александр: Вы Сергея очень любите?

Ирина: А что с ним делать, если не любить? Раньше он был другим, а теперь погружен в такую гадкую мистику! Любовь к умершему отцу прогрессирует, и вместе с ней – желание пообщаться с его духом. Мне неприятна ваша улыбка!... *(пауза)* Он и на работе об этом рассказывает. Его, я думаю, скоро уволят.

Александр: Духа?

Ирина: Вы, кажется, состригли?

Александр: Может, вам неприятно это рассказывать?

Ирина: Почему? Именно **вам** мне об этом говорить легко. Человек, который арендует шкаф, да и то не весь - должен быть снисходителен к чужим странностям.

Александр: Только не злитесь. Я вас прошу... Не пойму - хорошо это или плохо, что вы мне все это рассказываете? Я ведь не стремился стать вашей подружкой. Разве вы не заметили?

Ирина: Сереже каждую ночь снится его умерший отец. Сережа уверяет, что перед отцом страшно виноват, и тот неспроста в полной тишине медленно танцует в его спальне чечетку.

Александр: *(смеется)* И правда жутковато... Усопший был чечеточником?

Ирина: Я даже водила Сережу к психоаналитику – силой практически. Этот бородатый субъект содрал с меня за прием почти половину моей зарплаты. Провел с Сережей три часа. И самое полезное из всего, что он сказал, были его прощальные слова: «Выше нос!» А когда я ему позвонила, он сообщил, что случай очень тяжелый, но он готов проводить сеанс в неделю, и, быть может, результат появится к Рождеству. Когда я спросила, не оговорился ли он и не имеет ли в виду второе пришествие, он скорбно засмеялся в свою бороду и сказал: «Страна не готова к психоанализу»...

Александр: *(грустно)* Ирина, я вас понимаю. Жалость и долг крепче всякой любви.

Ирина: Вы так же умны, как тот последователь Фрейда... Ну, не унывайте. Выше нос! Я заплатила за этот совет триста долларов, а вам его даю бесплатно. Цените.

Александр: Я ценю. А чем ваш Сережа так ужасно провинился перед предком?

Ирина: Когда я спросила его об этом, он замахал руками и почти заплакал... Скучаю по нему *(улыбается)*.

Александр: *(огорчен очень)* Ну, приводите его, не стесняйтесь... Я имею в виду, я же могу уйти на время, вы скажите только.

Ирина: Мы расстались. Не знаю, на время или навсегда. Я очень устала.

(стук в дверь).

Ирина: Это Сережа.

Александр: Вы же расстались?

(стук)

Ирина: Что мешает ему прийти выяснять отношения?

Александр: Как можно выяснять то, чего уже нет?

Ирина: *(в панике передвигается по комнате)* Или просить прощения? Или рассказать мне еще о каком-нибудь духе? Или еще неизвестно что сделать?!

(стук)

Александр: Мне – в шкаф?

Ирина: Ну а куда же, Саша? Прятать вас нелепо, но и знакомить с ним – глупо.

Александр: *(с новой надеждой)* Я бы хотел продолжить наш танец. Давайте не станем открывать.

Ирина: Не мелите чепуху. Марш в шкаф! И заткните уши!

Александр: Для вас -- готов ослепнуть и оглохнуть. Но все равно я с вами еще потанцую. Клянусь.

У эха – есть эхо? И снятся ли сны во сне?

Александр нехотя заползает в шкаф, захватив с собой пару печений, Ирина наливает ему в дорогу чашку чая, открывает дверь и появляется молодой человек, одетый в черное и с черным шарфом. Он красив, в руке его дудочка.

Ирина: Здравствуй.

Сергей: Здравствуй *(пауза)*.

Ирина: Что это у тебя? Ты снова занялся резьбой?

Сергей: Да, Ира. Прости меня, Ира.

Ирина: Я давно тебя простила. Еще до того, как обиделась *(смеется)*.

Сергей: Правда?

Ирина: Она.

Сергей: У тебя в волосах, кажется, запуталась травинка? Ты что, лежала на траве?

Ирина: Нет.

Сергей: Показалось.

Ирина: Я сегодня утром и правда очень хотела лечь на газон. Если бы я это сделала, у меня была бы в волосах травинка.

Сергей: Сейчас лето, а как представляю, сколько в сентябре навалится дел... И сразу возникает чувство, что я заранее везде опоздал... Снова возникает это чувство. Я бегу куда-то... все бегут. Я не хочу, понимаешь? Я не давал обета участвовать в забеге. Хочу из него выйти.

Ирина: И что мы будем делать?

Сергей: Мы?... Я тебе хочу сыграть. Эту мелодию я сочинил, когда думал, что нам уже никогда не быть вместе. *(Играет на дудочке)*. Понравилось?

Ирина: Мне всегда нравилась твоя музыка. Если бы ты писал ее регулярно, я думаю... Впрочем, я это уже говорила. Я так рада, что ты снова занялся резьбой. Это значит?..

Сергей: Да, обещаю тебе, что прогнал из головы все, что мешало тебе быть счастливой.

Ирина: И ты больше...

Сергей: Я больше не буду даже упоминать о нем. Он слишком виноват передо мной, чтобы ты, **ты!** – так страдала...

Ирина: А вдруг снова тебе что-то покажется, привидится, и ты вернешься к прежнему? И все твои обещания полетят к черту.

Сергей: *(неожиданно кричит)* Не говори этого слова!

Ирина: Солгал? Тогда и я солгала, что тебя простила. Нет, я не простила... Снова из тебя будто кто-то другой, кто-то чужой вдруг заговорил...

Сергей: *(тихо)* Это тоже я. Можешь любить нас обоих?

Ирина: Нет. Ты знаешь. Только одного *(усмехается)*. Я двух любить не умею.

Сергей: Может, в реальности ни одного нет. Я, пока мы были в разлуке, читал индийских философов. И пришел к выводу скорбному - меня не существует.

Ирина: А я? Я существую?

Сергей: Об этом я пока не думал.

Ирина: Естественно... Сережа, может быть, раз тебя теперь не существует, тебе и приходить не надо было? Да, тебе не надо больше приходить.

Сергей: А сейчас вдруг показалось, что существую.

Ирина: Вот эта новость получше.

Сергей: Но не весь.

Ирина: Сережа, я все понимаю. У всех бывают моменты депрессий. Но я ведь тоже могу устать. И депрессии у меня тоже случаются. И я – существую! Существую, в отличие от тебя. И не частями, а вся, целиком.

Сергей: Ты так кричишь, что мое астральное тело вибрирует.

Ирина: Уходи со своим астральным телом вместе. Уходите оба *(пытается улыбнуться)*. Двоих вас я любить не могу, мы же выяснили.

Сергей: Он снова приходил. Папа Оскар приходил снова.

Ирина: А врач к тебе не приходил?

Сергей: *(вдруг лукаво)* А я астральным сексом заниматься умею. Снился я тебе на днях? Снился?

Ирина: Снился.

Сергей: *(торжествующе кричит)* Ме-то-ди-ка!

Ирина: *(садится на стул, разглядывает свои бумаги)* Астральный секс – это все, что нам осталось.

Сергей: В моменты расставаний это единственный способ близости.

Ирина: Ты пришел искать мира? *(Сергей кивает)*. И снова заговорил об этой чепухе.

Сергей: Это! Не! Чепуха!

Ирина: Ты убедил меня, что пришел мириться, и снова ударил в больное место...

Сергей: *(уже не слышит ее)* Пока мы были в разлуке, я натренировал свой третий глаз. Когда я закрываю банальные глаза, третий видит все, что происходит вокруг. Еще пара тренировок, и мне откроется тайная суть вещей. Мне так хочется верить, что за всей этой жизнью, за этими баночками с вареньем, стульями, шкафом, есть мир иной -- и он главный. Вот видишь этот шкаф? С виду, обыкновенный шкаф. Но кто знает, что за ним кроется? Что он таит в себе? И подобные тайны скрывают все вещи!

Ирина: Ты полагаешь?

Сергей: Конечно! Все вещи, всякая жизнь! Когда я натренирую третий глаз, я смогу увидеть это. И я смогу видеть отца – я знаю, он всегда рядом. А пока смотри. Вот я закрываю глаза. А ты делай что-нибудь. *(Ирина долго, безотрывно на него смотрит)* Ты подпрыгнула!

Ирина: Да.

Сергей: Вот видишь! Я скоро смогу видеть главное, главное, главное! Ты знаешь, что для меня – главное.

Ирина: Знаю, кто главный.

Сергей: Да. Верую в тайну. Верую, что всякий поцелуй – больше, чем поцелуй! И на нем есть отблеск вечности *(тянется к ней)*.

Ирина: Нет, только астрально. Встретимся во сне. И вообще, для несуществующего ты слишком активен. И звонок.

Сергей: Мне Учитель сказал, что для успешного спиритического сеанса мне нужна женщина.

Ирина: А я-то думала, зачем он пришел! *(смеется)* Дурочка. Ду-роч-ка.

Сергей: Я должен пообщаться с отцом. Если мы с ним ни разу не поговорили при жизни, пусть наш разговор состоится сейчас. Хотя бы с его духом.

Ирина: Да, это будет настоящий разговор по душам.

Сергей: Помоги мне. Кого мне еще просить, Ира?

Ирина: Но он не придет, Сережа. Мертвые лежат. И это лучше, чем если бы они могли прийти к нам. Там – ничего нет.

Сергей: Тсс... Не говори так. Ты что, отрицаешь загробную жизнь? Нас никто не слышит? *(Ирина неуверенно, отрицательно качает головой)* Как же там ничего нет, если мой отец приходит ко мне каждую ночь? Но он нем. Он медленно и молча танцует – и все. Что это значит? Какой знак он мне шлет оттуда? Я сойду с ума.

Ирина: Сережа, но если мы здесь вместе станем вызывать духов, это будет означать, что сошел с ума не только ты. Для одной небогатой пары это перебор. Я уже молчу о том... Нет, почему же молчу? Ты ведь знаешь, сколько тебе светит за спиритические сеансы. Сколько светит нам.

Сергей: Нам светит только Бог.

Ирина: Это ты на суде скажешь. Духов вызывать запрещено.

Сергей: В случае чего донесешь. Донос же снимает вину.

Ирина: Очень смешно, Сережа... Ты же помнишь, что сделали с этим медиумом...

Сергей: Тсс!!! *(с ужасом)* С Ираклием? Конечно, помню. Я его лично знал...

Ирина: Не сомневалась ни секунды. Сережа, ты в группе риска...

Сергей: Да знаю!.. Но больше мне идти с этим не к кому. Сама понимаешь, никто не согласится... все опасаются... «Праведных» *(озирается)*... Я все равно не уйду, пока мы этого не сделаем. Даже если хочешь от меня избавиться – соглашайся. А если хоть чуть-чуть хочешь мне помочь – соглашайся тем более... Ира, ведь я, быть может, излечусь. А?

Ирина: Это долго?

Сергей: Минут пятнадцать, и то, если папочка после всего, что я ему сделал, захочет со мной общаться *(почти плачет)*. Но он не захочет, и доведет меня своими ночными танцами до безумия. Выключай свет. Выключай! *(Ирина медленно идет к выключателю и вырубает свет)*. Вот тарелка. Сосредоточь свою женскую энергию. Пытайся соединиться с Космосом. Получилось?

Ирина: Откуда я знаю?

Сергей: Повторяй про себя, пока я вожу тарелкой: «Оскар Дройцман, отец моего Сережи, явись и скажи нам, чего ты хочешь». Повторила?

Ирина: Да. Но он не придет.

Сергей: *(напряженным шепотом)* Не говори так. Не спугни его. Я чувствую, он здесь. Только бы он не танцевал, только бы не танцевал. Ну по крайней мере не чечетку... Папа. Папа. Ты здесь?

Тишина.

Ирина: Сережа, ты убедился, что все это... что ты не прав?

Сергей: Ира, он здесь. Верую. Чувствую. У меня на всем теле волосы дыбом стоят. Сосредоточься, Ира. Мысленно взывай к нему. Отец. Отец. Ты здесь?

Александр: *(из шкафа)* Здесь.

Сергей: Господи! Он пришел... Господи...

Ирина: Папа Оскар?

Александр: Ирина, слушаю тебя.

Сергей: Он знает, как тебя зовут... Отец. Неужели здесь ты? Я не грежу? Ира, благодарю! *(целует ее)* Отец, мне было восемь лет, когда ты умер *(голос дрожит, почти истерика, но счастливая)*. Но я все это время думал о тебе, мечтал говорить, я все делал, чтобы стать на тебя похожим. Видишь, у меня и прическа, которую носил ты? Видишь?

Александр: Зрю.

Сергей: Ты рад?

Александр: Счастлив есмь.

Сергей: *(его речь все время прерывается, он страшно взволнован)* Все восемь лет, пока ты был жив, я не любил тебя, и ты это знаешь, и ты тоже в этом виноват. Прости, папа. После твоей смерти моя любовь росла, и я стал лучше понимать тебя. Ты был прав, что не любил меня – разве я стою любви? Я помню, как мы ходили с тобой в лес, я помню, как мы играли с тобой в футбол такой большо-ой еловой шишкой *(хихикает)*. Тогда ты вдруг показался мне таким близким. А потом я снова, как всегда, стоял вдалеке и смотрел на тебя. Ждал, ждал, когда ты хотя бы посмотришь в мою сторону. А вдруг – позовешь! И знал, что если я сам подойду и обниму тебя, ты так улыбнешься *(кричит)*. Я ненавидел эту твою улыбку! И сейчас ненавижу!

Ирина: Сережа, успокойся, пожалуйста, я прошу тебя.

Сергей: Ты был так... ты был так... ты был так нужен мне. И ты сейчас мне нужен. Я вспоминаю все, что могу вспомнить, а порой мне кажется, что я вспоминаю то, чего никогда не было... Ты знаешь, и мама, как ты ушел, стала совсем, совсем иной... Не трогай меня, Ира!.. Мне так плохо здесь, папа. Папа, я буду счастлив?

Александр: Не счастлив ты с Ириной?

Сергей: Между нами нет настоящей близости. Она думает, что мое желание быть с тобой – болезнь. Но я хочу быть с тобой потому что... Если я буду с тобой, весь мир станет иным! Папа, я буду счастлив?

Александр:

Промчится по ночи конь вороной,

Начертано имя на нем. Видишь? Видишь?

Не зришь ничего. Только тьма. И покой.

А утром и тьму, и коня ты забудешь.

Сергей: Не забуду!

Александр:

Нет, не прочтешь ты те черные строки.

И конь вороной исчезает во мгле.

Ты – чье-то виденье. Не думай о счастье.

У эха – есть эхо? И снятся ли сны во сне?

Сергей: Господи... Папа, дай совет: как жить?

Александр: Умнее быть своих желаний не пытайся.

Сергей: Господи... Как жить, папа?

Александр: Сказал я. Внемли.

Сергей: Еще. Пожалуйста.

Александр: Увидишь свет – молчи. Увидишь тьму – заткнись совсем.

Сергей: Спасибо, папочка, спасибо. Как ты там? Ты ангел?

Александр:

Да, ангел я теперь.

Разочарован: многим райская отверста дверь.

Крылом заденешь ангела-собрата

Тут каждый час. Рай перенаселен.

На взлетной полосе толпимся мы,

Стремясь взмыть хоть куда-то.

О рае не мечтай. Не так уж сладок он...

Сергей: А дедушка с тобой?

Александр:

С отцом летаем вместе мы,

Хоть вздорили сначала.

Сергей: А бабушка, твоя мама, тоже там?

Александр: О ней я слезы лью – ей вход сюда закрыт.

Сергей: Так я и знал.

Александр:

Ты помнишь дождь вчерашний?

То плакал я с небесной нашей башни

О матери моей, о грешнице великой.

Преступно, невозможно многоликой.

Ей Бога не узреть.

Сергей: Вчера и правда был дождь... Господи...

Александр:

У нас ведь тоже дождь бывает.

Природа и о нас не забывает.

Но и у ангелов имеются зонты...

Ирина! Что за звук? Смеешься ты?

Ирина: Папочка, вам пора.

Сергей: Ира, как ты можешь... Папа, что будет с нами дальше?

Александр:

Ты моешься в душе, ты, божье создание

Тартинки ты ешь, ни о чем не скорбя

А черные люди, враги мироздания

Решили. Убить. Тебя.

Сергей: Я чувствовал. Знал, ощущал. Депрессия -- от этого, подавленность -- от этого. Когда они убьют меня, отец? У меня есть еще время?

Александр:

Они убить решили многих

И очередь живых -- длинна.

Быть может, до Сережи не дойдет она.

Сергей: Папа...

Александр: Мне на слет пора.

Сергей: Еще минутку! Я так ждал этого разговора.

Александр:

Но почему с Ириной ты несчастлив?

Духовное тело ее так манит.

Сейчас я явлюсь вам.

Вы очи закройте.

Явление вам видеть закон не велит.

Ирина: Нет! Я не хочу вас видеть!

Сергей: Ира!

Ирина: Боюсь!

Александр: Чего не вынесет ваш смертный взор, вы не узрите. Я выхожу. Закройте очи. Очи закройте.

(Сергей закрывает лицо ладонями, Александр выходит из шкафа, срывает скатерть со стола, с нее катится посуда и разбивается. Он обвертывается ей – теперь не видно его лица. Ирина делает ему знаки, чтоб он ушел).

Александр: Созерцайте мя.

Сергей: (убрал ладони) Господи! Отец! Я умру сейчас.

Александр: И узришь меня воистину.

Ирина: Папа! Да вы что! Сережа, твой папа в раю совсем отвык от земных приличий! У нас так не врываются в чужие дома! Не влетают!

Александр: Покойникам можно все.

Сергей: Папа, почему ты перестал говорить стихами?

Александр: Явившись на землю, я могу говорить лишь прозой... Сережа, уступишь мне Ирину?

Сергей: Как это, папа?

Александр: Хотя бы на один танец.

Сергей: *(в ужасе)* Танец? Зачем?

Александр: Я должен послушать, как бьется сердце ее, я должен вдохнуть ее. И понять, твоя ли она женщина. Один танец – и полная диагностика.

Сергей: Не чечетку?

Александр: Вальс.

Сергей: Разве мертвые танцуют с живыми?

Александр: Гораздо чаще, чем тебе кажется, сынок.

Сергей: Господи...

Ирина: *(Сергею)* Ты же знаешь, я и с живыми-то танцую редко.

Сергей: Ира, разве можно отказать? Ему?

Ирина: А если я боюсь?

Сергей: Я ведь рядом.

Александр: Я понимаю этот страх, Ирина. Мы, мертвые, тоже боимся живых. Вы ведь другой природы. Для нас встреча с вами – тоже дело нелегкое. Пока привыкнешь... А тут еще на спиритические сеансы постоянно вызывают, и приходится лететь, преодолевая страх.

Сергей: Папа, я не знал, что вы тоже нас боитесь. Но мне от этого как-то легче.

Александр: Включи музыку, закрой глаза и уши. Когда можно будет все открыть, я пошлю тебе знак.

(Сергей покорно все выполняет и садится за стол, зажмурив глаза и закрыв уши. Ирина смотрит ошарашено на обоих. Александр увлекает ее в танец).

Ирина: Немедленно отправляйтесь, откуда пришли.

Александр: В страну мертвых?

Ирина: В шкаф! В единственное место, которого вы достойны! Вы! Как вы можете? Кто вы такой!

Александр: Я люблю вас. Я же говорил, что скоро с вами потанцую. Что вы так на меня смотрите? Бойтесь покойников?

Ирина: Вы хотели, чтобы он выглядел еще глупее?

Александр: Вы правы.

Ирина: Ничтожество из шкафа, вы что ли лучше? Вы должны сидеть вот здесь (*указывает на шкаф*), в окружении моих тряпок! А не разгуливать по моей жизни!

Александр: Ирина, вы бы не согласились на этот сеанс, если бы не доверяли мне.

Ирина: Тогда бы вам пришлось *там* рассказать, откуда вы про этот сеанс знаете!

Александр: Вы замечательная девушка. Около вас не должен вертеться такой странный субъект.

Ирина: Вот и не вертитеесь!.. Позвольте этот вопрос решить **мне**.

Александр: Позвольте мне высказаться.

Ирина: Да на каком основании? Прекратите этот маскарад, не издевайтесь над нездоровым человеком, которого я люблю. Люблю! И я помогу ему выздороветь...

Александр: Мы сейчас оба помогаем ему выздороветь. Ведь в моем подсознании всегда таилась тяга к психоанализу. Бессознательно я всегда был психоаналитиком... Ира, хоть себе признайтесь, зачем вы разрешили этому сеансу состояться, зачем позволили мне увидеть, в каком вы положении... Вы подсознательно взываете ко мне о помощи. Не убирайте руку с моего плеча, и не шепчите так громко. Сергей может что-то заподозрить.

Ирина: Что вы наделали в моей комнате? Я так любила эту посуду.

Александр: Я не владел собой. Ира, ведь он же сказал, что несчастлив с вами. (*останавливается*). Когда он пришел и начал говорить, мне стало так жаль вас.

Ирина: Да как вы смеете меня жалеть?

Александр: Мне уйти?

Ирина: Да! Да!

Александр: Но не могу же я сейчас собрать вещи, пожелать всем приятного вечера, пожать руки и уйти? Мы, призраки, так не поступаем. Что скажут архангелы?

Ирина: Я не шучу. Вы должны съехать. Как можно скорее. Я вам этого не прощаю и не прощу.

Александр: (*Выключает музыку, подходит к Сергею, трогает его за плечо*). Все хорошо, Ирина прекрасна. Астральное тело выше всяких похвал. Береги ее, люби ее. Я полетел.

Сергей: Одна просьба, родной. Прости меня. Дорогой — прости - когда ты был в коме, я трижды дернул тебя за бороду.

Александр: Как ты посмел?

Сергей: Папа, я ведь хотел дернуть еще раз, но совесть меня остановила. Ты должен понять мое желание. В тот момент я ликовал, это была победа, но я не знал, на какие муки обрекаю себя. Я ведь тогда тебя ненавидел, любовь пришла потом.

Александр: Да, это было большое горе для меня. Ведь тогда мой дух отходил от тела – а тут такой сюрприз. От боли я трижды, каждый раз, когда ты дергал бороду, возвращался в свое тело. Я уже парил над собой и своей жизнью, когда ты делал это. Сереженька.

Сергей: Прости, прости, прости!!!

Александр: Антаренда погфин.

Сергей: *(в ужасе)* Что?

Александр: На языке небес это означает: «Прощенный прощен, а непрощенного никто не простит».

Сергей: Господи...

Александр: Наказую тебя. Отныне ты должен ходить в одежде наших предков – шотландской юбке. Это смирит тебя и заставит вспомнить о корнях.

Сергей: Дройцманы были шотландцами?

Александр: А кем же? Это с течением веков мы стали Дройцманами. Время нас не пощадило... И каждое утро, едва проснувшись, ты должен восклицать *(кричит)*: «Мертвые оживут, живые умрут. Чепуха бессмертна!» Уяснил?

Сергей: Возоплю!

Ирина: Сережа, я не хочу просыпаться под такие вопли.

Александр: И еще: как это ни трудно, как ни больно, но ты должен завтра же рассказать о том, как ты поступил со мной, своему начальнику.

Сергей: Нет!

Ирина: Папа Оскар! Вы перелетали сегодня?

Сергей: Ира, не смей! Отец, я не могу этого сделать, нет.

Александр: Да, Сережа. Да. А когда твой начальник скажет, что ему нет до этого дела и попросит оставить кабинет, ты должен схватить его за нос, вот так *(хватает Сергея за нос, тот восхищен и напуган)* и спросить: «Я свидетель Иеговы, а ты чей?» И не сомневайся – в этот момент я устрою для вас парочку молний.

Сергей: Папа, не маши так крыльями. Мне жутко.

Александр: Вник ты в мой завет?

Сергей: Но мой начальник и так меня не любит. Он уволит меня.

Александр: Может, станцевать тебе чечетку, Сереженька?

Сергей: Нет! Господи...

Александр: Не прекословь. Если он уволит тебя – я низвергну курс его акций. Я погублю бизнес его, и бизнес сынов его, и дочерей его. Я разрушу имидж его, и детей его, и детей

детей его – всех, до седьмого колена и локтя. Черным пиаром обволоку его и весь род его. Скажи ему так. После молний он всему поверит, это уж я обещаю.

Ирина: Папа Оскар! Вы что, совсем не думаете о своем внуке, то есть, сыне? Он же должен на что-то жить?!

Александр: Жизнь есть путь ко мне. Верши свой путь быстрее, Сергей.

Ирина: Да что ты несешь!

Сергей: Не говори ему «ты», Ира! Уважай усопших!

Александр: Сережа, еще одно пожелание. Я давно хочу выпускать совместный журнал, где будут публиковаться наиболее талантливые представители потустороннего и этого миров. Причем, как ты уже понял, для нас **вы** - граждане потустороннего мира... А верстать журнал будем в каком-нибудь промежуточном пространстве, например, в чистилище. Назовем его «Небытие и мы». Как тебе эта идея? Будешь нашим представителем среди живых?

Сергей: Я готов, конечно... Папа, ты шутишь?

Александр: Ну разумеется! Выше нос, как говорил мой любимый психоаналитик!..

Сергей: И твой?

Александр: Сереженька, я должен лететь. Теперь я наконец-то смогу отпустить бороду – она больше не напомнит мне о том, как жесток был со мной мой сын. Жду твоих деяний, а не слов. И помни – ты сын Оскара Дройцмана. Шотландец.

Сергей: Я помню! До свидания!

Александр: Ирина и Сергей, сомкните веки. Я покидаю вас. *(залезает в шкаф)*. Прощай. И помни обо мне.

Сергей: Я хочу обнять тебя, папа! Как тогда, в лесу!

Александр: *(из шкафа)* Тебе проще обнять туман, чем меня. Прощай.

Ирина: *(включает свет)*: Твой отец в раю просто спятил!

Сергей: *(ошарашен)* Я говорил с отцом. Говорил с отцом. И он не смеялся надо мной, не издевался, как это было в детстве... Как это было всегда... Даже во сне.

Ирина: Видишь - он ведет себя как неродной... А вдруг явился не он? На том свете тоже бывают неполадки.

Сергей: Как ты можешь, он же все знает – и что вчера шел дождь, и что тебя зовут Ирина! И что бабушка не на небесах – а это не могло быть иначе. А ты не верила мне! Говорила, что нет ни призраков, ни того света, ни метафизики астральной параллели.

Ирина: Может, пришел какой-то другой призрак? Они же тоже могут шутить? Сережа, ты ведь не сделаешь этого на работе? Не придешь туда в юбке?

Сергей: Нет, призраки не шутят, в потустороннем мире юмор упразднен. А начальнику -- конечно расскажу.

Ирина: И скажешь, что получил этот... Господи... этот приказ... во время сеанса?

Сергей: Нет! Ты что! В тюрьму я не хочу, но вот схватить его за нос – моя давняя мечта. Или сделать чего похлеще. А папа устроит молнии.

Ирина: Тебя задержат, если ты пойдешь по улице в юбке!

Сергей: А я в туалете надену. Надену – и к начальнику...

Ирина: Зачем я согласилась на этот сеанс... Делай что хочешь. В конце концов, мне нет до этого дела. Ну никакого. Никакого... Сережа, ты подумай, если папа при жизни тебя не очень любил, может, он и после смерти хочет сделать тебе гадость?

Сергей: Какую, Ира?

Ирина: Ну... Обманет тебя с молнией.

Сергей: Отец всегда делал, что обещал... Ира, я тебя люблю. Спасибо тебе. Я должен уйти. Мне нужно рассказать об этом Учителю. Приду скоро, скоро, скоро! Ты теперь воистину моя, отец благословил нас, и мы будем счастливы! Прощай, и помни обо мне! *(смеется, стремительно заматывает шарф и убегает)*.

Я человек высокооплачиваемый, глубокопочитаемый

Прошла неделя. Квартира Николая Сергеевича. Он вбегает, быстренько осматривает помещение, почти обнюхивает его, потом рукой зовет Александра. Тот медленно входит.

Николай Сергеевич: Идите, идите сюда... Здесь нас не видят, не слышат, не осязают. О, да при таком освещении вы совсем красавчик! Моя жена только глянет на вас и – хлоп! – уже прелюбодействует с вами в сердце своем. Почему вы так вздрогнули, когда я сказал «хлоп»?

Александр: Вы не сказали, вы крикнули.

Николай Сергеевич: Знаете, я ведь никогда не любил ее. Как вспомню нашу свадьбу – судороги по телу проходят и подташнивать начинает...

Александр: Вы, я надеюсь, не планируете появиться?

Николай Сергеевич: Нет, что вы, я никогда не мешаю чужой работе. Я просто посмотрю на то, что терзало меня годами. Даже цвет ее платья, звук ее голоса, даже ее молчание – все свидетельствовало об измене. Думаете, так не бывает?

Александр: Все произойдет здесь?

Николай Сергеевич: Какой вы, однако, торопливый. Вас словно зачали в гоночной машине. Здесь, конечно здесь, где же еще. Здесь я наконец стану свободным. Знаете, в одной сказке у главной героини есть волшебная тарелочка с яблочком. Яблочко кружит по тарелке, девушка спрашивает, как там ее суженый поживает – и тарелочка транслирует все, что он сейчас делает. Вот если бы у каждого была такая тарелочка, то все отношения бы распались. И любовь бы прекратилась, и дружба... Вы для меня будете такой

тарелочкой с яблоком... Я бы поставил вопрос о массовом производстве таких тарелочек... На чистую воду надо вывести всех! Всех без исключения!.. Но увы!

Александр: Что увы?

Николай Сергеевич: Такие тарелочки существуют только в сказках, мой малыш. Вы же – перенесете меня в сказку. И получите за это сказочные деньги. Вот столько (*пишет на бумаге*) я заплачу вам в случае неудачи, и столько (*рисует*) в случае удачи. Как видите, гораздо выгоднее вам угодить ей, а значит, и мне. Когда вы еще видели такое единение супругов в столь деликатном, столь негигиеничном вопросе? (*хохочет*). И при любом раскладе – вы в выигрыше.

Александр: Может быть, наоборот? В случае неудачи – больше? Ведь это для вас будет хорошая новость.

Николай Сергеевич: Драгоценный, не думайте только, что вы будете первой трещиной в нашем невыносимо законном браке. Дело совсем не в том, что я хочу убедиться в ее верности или неверности.

Александр: А в чем?

Николай Сергеевич: У вас на лице написано, что вы про меня что-то думаете такое малоприятное, что-то мраченькое. Ну, говорите!

Александр: Вы беситесь с жиру.

Николай Сергеевич: Вот весь электорат про нас так думает! А я похудел в прошлом году на пятнадцать килограмм. А я был дороден -- ах, как я был дороден! При желании я мог бы подрабатывать штангой. Или стать пищеблоком при каком-нибудь солидном учреждении... Так что каждому, кто хочет похудеть, надо прописывать мою жену. Ее надо срочно запатентовать!.. Можно стать миллионером, рассылая ее толстякам! Пойдет адская прибыль, а, Саша? Но вы, скорее всего, думаете другое: что я душевнобольной. Так? А ведь я всего лишь логичен: каждый будет покинут и предан. Так? Я же сам напишу сценарий, сам найму актера и сам поставлю эту измену. И в измене мне я поучаствую даже больше, чем она сама. Неплохо придумано, йес?

Александр: Хорошо.

Николай Сергеевич: А вы ведь и сами этого хотите – я знаю, вы видели ее ножки в короткой юбке, ее трусики. Неужели не захотелось приобщиться? А так, случайненько, ну хоть мизинчиком, не прикоснулись? Вообще, вы мудрец. Мудрец, мудрец, не смущайтесь. Шикарно устроились: попивая чаек, поглядываете стриптиз. А платите как простой постоялец. И все так близко – и запахи, и формы... Вы ведь давно живете у Ирины. Ну как она?.. О, простите, тысяча пардонов, как же я бестактен, это все от того, что волнуюсь дико – такой день сегодня особенный. Сейчас, секундочку, я прочту покаянную молитву и успокоюсь (*пауза, он молитвенно складывает руки и закрывает глаза*). Богообщение прошло успешно. Сразу тихо на душе, и благодать неземная, небесная. Вы не удивитесь, если я скажу, что сейчас вижу вашего ангела-хранителя? Вот тут, слева?

Александр: Я удивляюсь только тому, что не вижу вашего лечащего врача.

Николай Сергеевич: Вот так и острите, когда будете ее очаровывать, так и острите! Она шутников любит. А у меня с этим туго.

Александр: Как раз с этим у вас великолепно.

Николай Сергеевич: Compliments in my tariff plan do not enter. It is a waste of effort. I and without your exclamations - who? A person who is deeply respected, highly valued. And - who else, do you know? You know. So why are we talking so long and boringly?

Александр: You are not embarrassed that she saw me in such a strange position?

Николай Сергеевич: In the sense - living in a wardrobe? This is completely meaningless. On the contrary, it acquires a shade of some kind of enchanting strangeness. I would say that your novel seems so impossible, that it is precisely because it is very possible. Because - I know the words that are needed to take it. And words belong to everyone, and that means, it belongs to everyone. Better, than, who knows, in what order they need to be arranged. I will tell you the secret - these are her needs I know perfectly well... The more you say of true words, the less clothes will be on her.

Александр: Then, it can be, write her a letter?

Николай Сергеевич: Ah, and to seduce by correspondence. Seduce her in written form - can you imagine her in such a form?.. Attractive? (*пауза*) You know, there was a king Midas. He was so greedy, and he asked the gods, that everything he touched would turn to gold. His wish was fulfilled, and an unscrupulous ruler died of hunger. So, I would like, that everything she touches, would turn to gold, so that she would not be touched, or that she would not even think, that she would see - that would be my image.

Александр: This is not love, but punishment.

Николай Сергеевич: You know, I had a terrible dream last night: I was running from someone, in a dark room, I was hearing my own steps and breathing. And I feel, that someone is very close, unacceptably close. I am running faster, I don't see the road and the goal. Suddenly - a sharp pain in one of the front teeth. I open my mouth. It falls out! A tooth falls, and a stream of blood flows. That's why I had such a dream?

Александр: I don't give much meaning to my dreams lately.

Николай Сергеевич: I don't want such dreams, or such a fate. I want silence. If you knew, how indifferent, with whom I am confused, but it just happened, that if I don't see it, for me it will never happen. So everything is tied up - it can't be untied. You don't understand - and that's good. You are blindfolded - and that's even better. They didn't expect to hear, do they?

Александр: I won't do that, what you ask.

(*Пауза*).

Николай Сергеевич: Why?

Александр: It's dangerous. For me.

Николай Сергеевич: No, no! Don't refuse, I ask you, as much as possible, because we are already on the road to happiness!

Александр: I'm sorry, I really won't do that. Although I need money like everyone else.

Николай Сергеевич: I beg you, I beg you on my knees (*падает*) I beg you. I will kiss you, I will be with you until the end of my life. I will do anything for your canonization as a saint - I have connections. No, don't go, don't leave me, no.

Вы мою душу с собой уносите. Она даст вам! О, как она вам даст! Ну не уходите же вы! Не отказывайтесь! Если вы сделаете все, как я скажу, она согласится на такое! Я знаю, у вас есть тайные желания, так вот, среди них нет ни одного, которое бы не выполнила моя жена! Моя бесценная супруга!.. *(спокойно)* Мы с ней так срослись, что это омерзительно, тошнотворно. Пора добавить в наш состав еще одну особь. И эта особь будет прекрасно премирована... Не встану с колен, пока не согласитесь.

Александр: Я боюсь вас.

Николай Сергеевич: Мой юный друг, вы прекрасно понимаете, что вы это сделаете даже бесплатно. То, что вы живете в шкафу – наверняка не единственная ваша проблема? Угадал? Только моя доброта открывает для вас мой кошелек, только доброта. Вы же понимаете, на какой вы попали крючок? На гигантский. Он гораздо больше вас самого... Так бывает, Саша.

Александр: Я еще подумаю.

Николай Сергеевич: Никаких «подумаю».

Александр: Вы дадите мне существенную часть... гонорара... до... до свидания?

Николай Сергеевич: Бесспорно! Несомненно!

Александр: Хорошо.

Николай Сергеевич: *(вскакивает)* Bravo! Брависсимо! Бель канто!.. А когда я появлюсь, так ли важно? Может быть, просто подойду и взгляну ей в глаза в самый сказочный момент? Вы, кстати, не смущаетесь, что я увижу вас голым?.. Или вовсе не подходить? А после описать все это как свой сон, в деталях. И спросить: «Что, милая, сон в руку?» Нет, лучше просто описать все это как сон, невероятный, нелепый сон, - а потом - долгие дни вместе, и как ни в чем ни бывало: утренний кофе, вечерний телесеанс, тайные радости... И наблюдать, как она будет страшиться этого разговора... А его – не будет и не будет, не будет и не будет, а потом кааак будет!

Александр: Я не понимаю... вы же обещали...

Николай Сергеевич: Да! Конечно! Это просто фантазии. Никто не узнает – ни сама Тамара, ни одна живая душа. Только моя душа – и все. Хотите, поклянусь на Конституции? Или на Библии? На обеих хотите? Вы же понимаете, что для меня значит такая клятва?

Александр: Она замужняя женщина, вы это знаете лучше меня...

Николай Сергеевич: Лучше, конечно, лучше!

Александр: Клянётесь - меня не арестуют?

Николай Сергеевич: Любезный мой. Закон – это я. А государство – это почти что я. Кто вас арестует, пока я вас люблю?

Александр: Ну, до завтра.

Николай Сергеевич: Да, идите. Вы заметили, что в моем подъезде, нет, в нашем с вами подъезде, между вторым и третьим этажом кто-то нацарапал «Бога нет». Странно, правда? В подъездах обычно пишут что-то более земное. Так что у нас есть свой подъездный богоборец. Но зачем богоборцу скрести на стенах «Бога нет»? Как вы считаете?

Александр: Я пойду.

Николай Сергеевич: Ступайте и грешите.

Десять дней, одиннадцать ночей

Прошла пара дней. Та же квартира. Николай Сергеевич и Тамара.

Николай Сергеевич: Дорогая моя. Моя бесценная. Любил ли кто тебя, как я? Ну, вот вчера например? Любил? Не меняйся в лице, не надо. У меня превосходное настроение, только из головы почему-то не идет одна странная история, которую вычитал сегодня в газете: в Америке поймали группу мужчин, которые тайно занимались запрещенным видом спорта – метанием карликов. Причем, арестовали не только тех, кто метал, но и всех карликов – они якобы являются доказательствами преступления. На суде их будет демонстрировать прокурор. Причем, сами карлики опечалены тем, что эту контору прикрыли – они ведь прилично зарабатывали. Раскрыли притон по случайности: карлики-близнецы пересобачились между собой – кого в следующих состязаниях метнут раньше. Дело дошло до драки. Происходило все на улице, их разнимал полицейский, и один из карликов по имени Эдуард, ища справедливости, в пылу рассказал полисмену все. Теперь заведение приказало долго жить, и карлики кусают себе локти. А карлики-близнецы кусают локти друг другу – отныне их распря бесконечна.

Тамара: Ты же знаешь, что меня, в отличие от тебя, такие истории не очень интересуют. На работе проблем без счета. Кто б начальника моего департамента метнул, как твоих карликов – да так, чтобы он никогда больше не вернулся, никогда.

Николай Сергеевич: Начальник – не бумеранг, метнут – не вернется... Хотя, мы можем пригласить любителей этого спорта из Америки. Если ты убедишь их, что твой начальник – карлик, они его тут же метнут... Или мне метнуть? А? Я ведь могу, ты только разреши наконец *(Тамара отрицательно кивает)* Родная, я ведь затемнение сделал, чтобы посмотреть наши с тобой любимые слайды. Ты ведь знаешь, как я отдыхаю, когда их смотрю. Помнишь ту каюту, тот корабль: звезды на небе, звезды на море... Ну, не морщись, ты ведь знаешь, я не умею выразить нежность, и поэтому прикрываюсь нелепыми словами.

Тамара: Я не очень готова к нашему традиционному удовольствию. Может, перенесем? Спать очень хочу.

Николай Сергеевич: Что ты, что ты – завтра значит никогда. Ну, уступи мне.

Тамара: И голова болит.

(Первый кадр на всю стену. Там – молодые Николай Сергеевич и Тамара, она в свадебном платье, он, как и положено жениху, одет великолепно).

Николай Сергеевич: Узнаешь, кто это рядом с тобой?

Тамара: *(устало)* В день нашей свадьбы рядом со мной был ты. *(улыбается)* Как это ни странно.

Николай Сергеевич: А это корабль, тот самый, незабвенный и любимый, что плыл из Риги в Травемунде. Наша каюта. Как было хорошо, когда мы уплыли от всего, что было здесь, что здесь ползало, кричало, говорило, ездило... А вот тот негр-повар, с которым ты дважды так лихо выплясывала на палубе во время дискотеки. Кажется, он плыл со своим другом.

Тамара: Не сомневалась, что ты его запечатлел. Тебе ведь дорога не я, а все эти повара-доктора, которые щекочут тебе нервы. Можно, я все-таки пойду?

Николай Сергеевич: А это другие наши каникулы – Тунис. Помнишь эпизод под этой пальмой? *(хохочет)*. Помнишь продавца кокосов?

Тамара: Да, тогда все было иначе... Где мои тапочки? Мне не хочется смотреть.

Николай Сергеевич: Ну я же хожу с тобой по магазинам, а мне разве хочется? Ни мне, ни тебе, по магазинам ходить не нужно, но мы же ходим, это же ритуал! Мы пошли туда даже после твоей удивительной фразы – «У нас пустой холодильник. Пойдем купим шторы». Вот за это я тебя всегда любил... *(новое фото)* А вот Испания. Помнишь, как заманчиво звучал туристический призыв: десять дней, одиннадцать ночей. И становилось ясно, что дни - это так, лишь паузы между ночами. И сразу хотелось в Испанию, и казалось, что только там правильно пройдут эти десять дней, одиннадцать ночей.

Тамара: Я ухожу.

Николай Сергеевич: Подожди, у меня есть новинки. Да – в семейном альбоме появились новинки, а ты этого не знаешь? Как же это может быть, родная? А вот как. Это вчерашний вечер. Боже мой, кто это входит в нашу квартиру? Что-то я не видел этого типа на свадебной фотографии. Это вовсе даже не я, в это время я упорно, **упор-р-рно** тружусь в самом центре нашей Москвы. На благо нашей Родины... А какой же дома мне готовится ответ за это благо? А вот какой! Не вскакивай. Теперь **ты** не вскакивай. Это только начало фильма. *(передразнивает)* «О, как ты ревнив! Ну разве я тебе даю повод?» Нет, милая, никакого повода, разве что вот – это, как видишь, ваш первый поцелуй. Как он старается, как старается – молодец!.. *(вглядывается в нее)* Когда ты бледнеешь, ты необыкновенно хороша!.. А вот следующий кадр, этот уже посильней, и не знаю, что меня сможет удержать от продажи его в какой-нибудь ну очень мужской журнал. А как ты неистова – за такие акробатические номера дают медали на Олимпиадах... А мальчику нравится, очень нравится – давай я тебе его лицо крупным планом покажу – это следующий кадр. *(Тамара сбивает со стола аппарат и очень быстро уходит, почти бежит, а Николай Сергеевич переходит на вопль)* Переезжаешь? В шкаф переезжаешь? Конечно, с милым рай и во шкафу – так что -- оривидерчи! *(снова вопль)* Почему не досмотрела? Вот это мне всегда в бабах противно было – делать можете все, что угодно, а вот говорить об этом или смотреть – упаси Боже. Ну, уходи, уходи. А я пока закурю, устройсь поудобней, и киношку-то догляжу... Советую вам во время медового месяца не бояться дерзких решений, и переехать, например, под диван... У него с Ириной роман начинался серьезный, и ты об этом знала не хуже меня. Но что тебе до этого, правда? И что тебе до меня? *(Штатается и падает. Тамара выходит, выливает на него содержимое чайника и с наслаждением хлещет по щекам)*. Полная тишина. Я был в мечте – ни одного лица, ни одного слова. И вот приходится очнуться. А рядом – верный друг.

Тамара: Ты, конечно, паяц, но побледнел очень правдоподобно. Верю.

Николай Сергеевич: *(лежа на полу)* Да, обморок нешуточный. Исполни мою последнюю волю – заряжай.

Тамара: Ты подонок.

Николай Сергеевич: Убери от меня свое лицо. Я сейчас не выношу такого сближения. У тебя на лице столько осуждения и гнева. Вот так истец превращается в ответчика. Bravo! Ты ведь, кажется, и сейчас думаешь, что я причина этого занимательного документального фильма. Ну так что, любил ли кто тебя, как я? Вчера? Вчера!!

Тамара: Знаешь, я рада, что ты это увидел.

Николай Сергеевич: *(взбешен)* Да я тебя! По всей строгости закона! По всей! Строгости! *(Тамара уходит, Николай Сергеевич бормочет «по всей строгости закона, по всей строгости закона...»)*

ЭРОТИЧЕСКАЯ АРИЯ

Александр и Тамара целуются продолжительно и страстно, а когда Александр хочет отойти, он понимает, что сделать это не так просто. Наконец, ценой серьезных усилий, он от Тамары отрывается.

Тамара: Что такое? Почему так не пылко?

Александр: Куда уж пыльче.

Тамара: Я знаю, почему. Тебе не хватает камеры. Камеры моего мужа.

Александр: *(смущен так, что готов провалиться)* Так ты знаешь... Тамара, это такой обман, меня обманули, меня заставили, мне нож к горлу приставили... Ты меня прости, что я не сказал...

Тамара: А когда ты мог? У тебя рот был занят стонами. Нет, ты даже не стонал. Ты пел какую-то эротическую арию... Артист!

Александр: Ты сочиняешь... Мне показалось, или я укусил твое ухо? *(Тамара кивает)* Страсть...

Тамара: Усиленная кинематографом... Я не сразу, конечно же... Не сразу, но я поняла, что мы не одни... Почувствовала публику... Но уже ничего нельзя было поправить... *(вдруг ее речь теряет энергию. Она растеряна)* Как ты мог мне не сказать?

Александр: Я сам сейчас не понимаю... Ты же меня давно знаешь... Сделаю что-то, потом удивляюсь... Мама говорила...

Тамара: «Мы не дадим бреду победить нас» - столько раз ты мне это повторял! И что? И что, Саша?

Александр: *(злась)* А ты? Ты - сильнее бреда, да? Тогда надо было не меня в шкаф, к себе поближе, подкладывать, а уйти от мужа... Но ты предпочла меня к Ирине поселить, чтоб я поближе к тебе был, а надо было просто самой уй-ти! Уй-ти!

(следующие фразы они кричат - один громче другого)

Тамара: Да как я от него уйду!

Александр: А как я мог ему отказать!

Тамара: Да надо было хотя бы мне сказать!

Александр: Да что бы это изменило!.. *(уже тише)* Он обещал не говорить даже тебе... Это ему было нужно, ему.

Тамара: Ты или дурак, или меня дурой считаешь. Но ты - не дурак. И ты должен понимать, чем грозит и тебе и мне эта запись... *(закуривает, Александр просит сигарету и себе, она протягивает, но вдруг прикрывает пачку)* Я Николая знаю. Он тебе наверняка предлагал деньги. *(вглядывается в него)* Это божественно! Божественная кинокомедия! Ты еще и взял! *(смеется)*

Александр: Эти лапы держали меня просто как... как клещи...

Тамара: Ты все-таки определись – тебе угрожали или тебе заплатили? Угрожали, а ты подумал – ладно, хоть заработаю заодно? *(Александр нервно закуривает ее сигарету)* Хорошо. Сделай что угодно, чтобы этой записи больше не было.

Александр: Но как?

Тамара: Сумел впутать, сумей и выпутать. Ты же мужчина. Именно что мужчина. Как будет по-удэгейски – я беременна? *(Александр, глядя в нее, шепотом говорит белиберду)* А как – ты очень пожалеешь?

Александр: Удивительный этот народ... Ты понимаешь... удивительный... У них не принято друг другу угрожать.

Тамара: Чтобы этой записи больше не было. *(резко подходит к нему, сначала гладит по щеке, потом приближается, и Александр отскакивает, вскрикнув и держась за ухо)* Страсть. И без всякого кинематографа.

В Александре клокочут невысказанные слова. Он быстро уходит. Тамара долго стоит одна.

УКУСИТЬ ПОЛИЦЕЙСКОГО

(Комната Ирины. Она обрабатывает ухо Александра).

Александр: Я клянусь. Подошла, спросила который час, и укусила.

Ирина: Незнакомая женщина укусила вас за ухо?

Александр: А что, укусить может только знакомая? Она, кажется, кого-то чертовски сильно ждала, а когда узнала от меня, сколько уже времени, рассвирепела, зашипела, и вот... Она бы любого укусила, кто ей время сказал. Хоть полицейского, хоть нотариуса. Чокнутая...

Ирина: Вот вы сказочник.

Александр: *(лукаво)* А чего это вы меня на чистую воду выводите...

Ирина: Я же говорю – сказочник. Вернее – мечтатель. Вы что, мою ревность пытаетесь разглядеть?

Александр: Знаете, что мне нравится? Смотреть на вас, когда вы сосредоточенно переводите. Вы иногда карандаш прижимаете верхней губой к носу. В этот момент вы очаровательны.

Ирина: *(продолжает обработку раны)* Не подлизывайтесь.

Александр: Ай!

Ирина: Извините, но надо же было вас продезинфицировать.

Александр: Даже это мерзкое слово, произнесенное вами, звучит поэтично... *(пауза)* Скажите, а можно?..

Ирина: Если бы было можно, вы бы не спрашивали.

Александр: Тогда вот что. Я, как вы и требовали, нашел другое жилье, и я переезжаю. Но хотел бы вас отблагодарить – вы не представляете, как важны были для меня эти два месяца. Или сколько я был у вас?.. В общем, я недавно получил замечательный заказ, выполнил его, как мне думается, превосходно, и вот – отдаю вам половину гонорара *(дает деньги)*. В благодарность.

Ирина: Это же куча денег. Вы на них можете несколько месяцев в самой шикарной гостинице жить. Нет, я не возьму. Не понимаю – что вы такое сшили? И кому?

Александр: Я сделал эксклюзивную коллекцию: новые модели эротической чадры для наложниц арабского шейха. Он и три тысячи его жен в восторге.

Ирина: Если это коммерческая тайна, не говорите. Но все равно, в благодарность я деньги не возьму.

Александр: Тогда поступим иначе. *(Торжественно)* Не мог бы я снять еще на месяц это шикарное двухстворчатое помещение?

Ирина: За эти деньги шкафа мало.

Александр: Значит, теперь я могу смело претендовать и на пространство за обоями.

Ирина: Берите выше — вам позволят ночевать под столом! *(смеется)* Я подумаю. Честно говоря...

Александр: Честно говоря, я должен вам рассказать. *(внезапно краснеет)* Я не могу, чтобы между нами оставалась тайна, впервые у меня такое, раньше я так легко врал... Видите – какие глупости говорю... Я не могу не сказать...

(раздается стук в дверь – властный, решительный).

Ирина: Сергей не может так стучать... Или может, я уже запуталась...

Александр: Я знал, что меня прервут, что-то ворвется, вклинится, вопьется, не даст мне все объяснить... Мне прятаться? Лезть в шкаф?

Ирина: А что я ему про вас скажу?

Александр: Уверены, что это он? Если он – скажите, что я его папа. Поверит.

Ирина: Саша!

Александр: Черт, кажется, кровь снова пошла...

Ирина: Не чертыхайтесь. Вот пластырь. Там наденете, то есть наклеите.

Александр: Скажите ему правду.

Ирина: Ка-ку-ю?

(снова стук, еще сильнее)

Александр: Решайте сами. Или, что я ваш постоялец, или...

Ирина: *(зло)* Что – или?.. Марш в шкаф!.. Ну, осторожненько, ныряйте... *(Александр ныряет. Ирина открывает. На пороге Тамара)*.

Тамара: Что?

Ирина: Это же ты пришла.

Тамара: А должна была ты ко мне прийти... Ты забыла - завтра День Семьи?

Ирина: *(обреченно)* Ах... Вышивать... Этот плакат...

Тамара: Транспарант. Для завтрашней демонстрации.

Ирина: Давай попросим кого-нибудь, а? Заплатим, а?

Тамара: Ты же знаешь - надо своими руками. Если узнают? У нас мало проблем? Будем прибавлять еще и эту?

Ирина: Через минуточку...

Тамара: Прямо сейчас, Ира!

(Ирина покорно идет вместе с Тамарой, из шкафа выползает Александр. Он в смятении)

СЦЕНА ВРАЩЕНИЯ И ОТЧАЯНИЯ

Александр: Все! Сейчас все доложит! Я же знал, что она под стать мужу... Он дракон, она драконша, иначе не бывает, не бывает иначе... Я ль не любил ее? Любил. *(гордась)* Рискнул. Шкаф арендовал... А сейчас чувства... повернулись, ветер меняется, и чувства меняются вместе с ним, это так понятно, так просто... *(вытаскивает двух кукол из шкафа, усаживает одну напротив другой, и начинает бегать, обращаясь то к одной, то к другой)* Прощай, Ирина! Нет... Прощай, Тамара!.. Беременна, значит... Вот спасибо! Представляю, как дракон нас благословляет... Ага! Четвертует нас... Значит – будет восемь частей? Да о чем я!!! А! А! А там мой ребенок? Вот в ее животе... Это же новый мир совсем... Да почему же? Я-то почему этому должен служить? Одному всплеску, одному мгновению – всю жизнь... *(кукле Иры)* С тобой хочу, с тобой хочу прятаться... *(по очереди каждой кукле)* С тобой тоже хочу, но совсем другого... Тут чувства *(на куклу Иры)*, а там чувственность... Великолепный секс, а как иначе, у ее дракона сила - в

другом... А какой будет с Ирой?... да о чем я... Спасаться, спасаться... А как Ира карандаш прижимает к носу? (*бьет себя по голове*) Не о том думаешь! Спасайся!!! Пиши «Праведным»! Про провокатора на самой верхушке! (*бросается к столу, пишет*) Не в моих силах скрывать... Нет... Спешу обозначить... Нет... Сим уведомляю... Господи, да за что же ты меня таким сделал? Мама права, права мама (*передразнивает*) «Ты не живешь, ты вращаешься»... Мама, у твоего ребенка будет ребенок... Да мне за этого ребенка все головы отвинтят... Бегу, все! Деньги! Они помогут! Бежать! Одному? Или с кем? Оставить Тамару дракону? А что – взять с собой? Чтобы он сразу за нами и полетел? А если обеих? Чувства и чувственность... А? Мусульмане, вот они знают мужскую природу... Мужская религия, честная и мужественная... А мы насочиняли себе моногамии (*ужасается своим словам, поворачивается к шкафу*) Уважаемый шкаф, я ничего не говорил (*нервно хихикает, снова садится писать*) Сегодня, перед святым днем Семьи я считаю своим долгом указать на язву, которая разъедает самую вершину руководства страны... Аааа! Аааа... (*разрывает письмо, раскидывает кукол, отходит к шкафу*) Не могу, не умею, не справляюсь... (*уже из шкафа*) Темно тут...

ВЕЧЕР

Квартира Тамары и Николая Сергеевича. Ирина шьет, но видно, что она потрясена тем, что ей только что рассказала Тамара.

Тамара: Знаешь, у евреев есть молитва такая – «спасибо тебе, Господи, что не сотворил меня женщиной». Но я знаю, что еврейские женщины, тайно от своих мужей, говорят: «Спасибо тебе, Господи, что не сотворил меня мужчиной». (*Ирина еле заметно улыбается*) Вот если наших мужчин разложить на элементы... Как в периодической системе... В нашей с тобой таблице всего три элемента - вот в данный момент нашей жизни. Всего три: проститут, мистик и ревнивец. П, М и Р.

Ирина: Ты хочешь, чтобы я заплакала, да?

Тамара: Я спасти тебя хочу. И себя хочу спасти. Сейчас так все сложилось, что любое действие этих элементов приведет к взрыву. И этот взрыв – он будет и нашим... Ты участвовала в спиритическом сеансе? Да. Поселила тайного, незарегистрированного жильца? Да. Я... ну про меня ты знаешь...

Ирина: Теперь знаю.

Тамара: Сейчас не время... Давай потом хоть в волосы друг другу вцепимся, заголосим, – ну так, по-бабьи, как положено, но потом, когда взорвемся – но не мы.

Ирина: Какой длинный лозунг... В прошлый раз был короткий: «Запад – цыц!» А тут «Семья – малая церковь».

Тамара: Для разных праздников разные транспаранты... ты не о том сейчас! Посмотри за окно. Уже вечер. А завтра все изменится.

СЦЕНА РОГОВ И ВЕРЫ

Николай Сергеевич в своем кабинете. Закрывает дверь на ключ. Снимает со стены огромные рога и водружает их на голову. Подходит к зеркалу.

Николай Сергеевич: Вот это – истина. Теперь это истина... Как она стонала! Что ж не лопнули мои перепонки? Почему уцелел сердечный клапан?.. Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым... Что же, что же, что же... Решено... Когда завтра на демонстрацию в День семьи выйдут тысячи счастливых и несчастных, пожилых и юных пар, я открою душу перед своим народом! Это ход... Вот это – ход политика... Неизвестно еще, какими будут следующие выборы после такого шага... Хо-хо... Я признаюсь, открыто и скорбно, что мне неверны – ребята, я такой же человек, как вы... Но я нашел силы, сначала – простить ее, а потом, все также любя - потребовать для нее наказания. Исключительно для ее блага. А значит, ребята, я выше вас... И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век... Тамара пойдет в тюрьму. Ненадолго. И в хорошую тюрьму – я позабочусь... Голуби летят над нашей зоной... Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася... Владимирский централ, ветер северный, как она стонала, Господи, как она стонала, почему я сразу не убил ее? *(почти рыдает)* Разве я виноват, что я такой? Господи, почему ты всю мощь вложил мне в голову? Разве трудно было равномерно ее распределить... *(разглядывает себя)* Тайна божественной диспропорции... Завтра объявлю, что осквернен. И начну процесс очищения. Публичного очищения. *(крестится)* Одна жена, одна невеста – Россия. Ей верен, ей клянусь, ее оберегаю... *(снова почти плачет)* Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанием. И восшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца... Таковую тюрьму ей сделаю, Канары от зависти взвоят... Войну бы, а? Чтобы все мужчины, все до единого туда пошли, да там и остались... На поле брани... Святая смерть...*(смотрит в зеркало пристально и долго)* Так и хочется порой спалить эту рожу... А потом задумаешься – нет, несправедлив ты к себе, Николай. Неси свой крест и веруй. Аминь.

КТО ОТ ЯРОСТИ, КТО ПО ГЛУПОСТИ

Тамара: Я давно дошла «малая», а ты все никак не дошьешь «церковь»... *(бросает шитье)* Как мне все это осточертело! Их законы, их запах – все осточертело.

Ирина: Ты все-таки не говори так громко это слово.

Тамара: Осточертело! Осточертело! Почему не могу? Полнейший бред! *(усмехается)* А мы должны быть сильнее бреда... Ты что?

Ирина: Меня немного пугает твоя... твоя энергия...

Тамара: А тебе если комфортно в роли плевательницы, тогда иди, чаевничай с проститутком, и духовидца в гости жди... А я устала. Но смотри. Когда все станет черным, ты меня не зови. Я тебе уже не смогу помочь.

Ирина: Зачем ты так со мной... Я просто не хочу одна.

Тамара: Да ты и так одна... А что касается меня... Мучиться я и в одиночестве могу. Зачем мне для этого мужчина? Зачем мне в этом деле помощники?..

Ирина: Да почему сейчас?

Тамара: Мне нужно сейчас. И я давно живу с Колей. Инстинкт развился. Иначе они нас сдадут – кто вольно, кто невольно, кто от ярости, кто по глупости...

СЦЕНА ЮБКИ И МЕСТИ

Сергей стоит в своей квартире. В юбке. В слезах.

Сергей: *(кричит)* Мертвые оживут, живые умрут! Чепуха бессмертна! *(хохочет)* Вот и прошел мой последний рабочий день... *(закрывает глаза и вспоминает, как схватил за нос начальника).* Я свидетель Иеговы, а ты чей? *(хохочет, плачет)* И закричал, заверещал Константин Петрович... А как тут громко закричать, когда нос заложен? Мною заложен!.. Ручки свои распахнул как птица – пиджак аж чуть не треснул... Счастливые мгновенья... И самые несчастные... Не было молний, не было отца... Не было, не было, не было! А были только телеграммы... *(читает также, хохоча и плача)* «Днем двери закрыты зпт но ночью но ночью они распахнутся из шкафа же змей выползает зпт подругу твою он лобзает»... Змея надо заколоть! Я! Сергей победоносец! Я! Где мое копьё? *(кричит)* Где мое копьё? И змея заколоть, и змею... А потом к отцу. К отцу! *(придельывает к швабре довольно большой нож и пытается, как копьем, поразить воображаемого змея, не прекращая плакать и хохотать)* Так больно! Вот тут! *(показывает ножом на грудь)* Предательство!.. И змея, и змею!

НЕВИННЫХ НЕТ

Ирина: Тамара, давай ты... сама... мне неприятно...

Тамара: Поздравляю – ты настоящий интеллигент... Дурно пахнет, да? Давай, Тамара, очисти воздух, а я потом подышать приду... так не бывает... Вернее – у нас с тобой так не будет.

Ирина: *(укололась)* Тогда на черта мы это шьем?

Тамара: *(в восторге)* И правда – на черта?

Ирина: Да они сами черти... Бесноватые...

(повторяют со вкусом «на черта?», «на черта?»)

Ирина: Давай знамя феминизма из этого плаката сделаем...

Тамара: Из транспаранта... Не. Не люблю их. Свергают и свергают мужчин, и сразу становится ясно, кто тут царь... Хотя, конечно, жаль, что феминисток запретили – они такие были... забавные...

Ирина: Слышал бы нас кто! *(смеется)*

Тамара: Видишь желтую кнопку на телефоне?

Ирина: Я слышала про такие... Ты что – ты на прямой связи с Праведными?

Тамара: На прямейшей.

Ирина: И что – один звонок...

Тамара: Один! Помнишь их лозунг?

Ирина: Невинных нет.

Тамара: Так разве не справедливо, что охотники сами попадут в свои капканы? Такой странный у нас мир – предательством отвечаешь на предательство, а в итоге получается справедливость... *(вглядывается в нее)* вот снова ты, снова засомневалась... Да что такое! Мистик твой будет осужден по самой легкой статье, за сердечную недостаточность... *(задумывается)* Эти Праведные - есть в них ирония.

Ирина: Я не знала, что есть такая статья.

Тамара: Сердечная недостаточность? Недостаточно верующее в Бога сердце. Или недостаточно пылко верующее - я не помню точно, надо в УК посмотреть.

Ирина: Не надо! Тамара, все-таки ничего этого не надо...

Тамара: Ты думаешь, что я после всего, что сказала, отпущу тебя домой чай пить?

Ирина: Отпущу?

Тамара: Ира, ты выходи из своего сладкого сна. Сейчас не время.

Ирина: Ты мне угрожаешь?

Тамара: Ну мы же не удэгейцы. У нас принято угрожать... *(кричит)* Очнись наконец! А?

Ирина: Очнулась.

Тамара: Прекрасно.

БЛАГОДАТЬ

Комната Ирины. Входят Тамара и Ирина.

Александр: *(бормочет из шкафа)* Господи, лиши меня права выбора, заberi у меня право выбора, подари кому-нибудь другому право выбора, а мне дай другие права...

Тамара: Какие именно, молодой человек?

Александр: Вы тут? А я книжку одну читаю, вслух, я так привык... Герой такой нелепый, все мечется чего-то, разыскивает...

Тамара: А что за книжка?

Александр: Да без названия. Новшества все какие-то у этих... книгоиздателей... *(высовывает голову из шкафа)* Здравствуй, Ира! Здравствуйте, Тамара!

Входит без стука Николай Сергеевич.

Николай Сергеевич: Именно так я и полагал. Тамара, пойдем наверх, у меня к тебе очень серьезный разговор. Самый серьезный в нашей жизни.

Тамара: Не пугай. Давай чуть позже.

Николай Сергеевич: *(садится, наливает себе чай)* Хорошо. Только недолго. *(смотрит на всех)* Ну, о чем вы будете говорить? *(пауза)*

(с воплями врывается Сергей – юбка его изорвана в клочья, на спине косо написано «Позор», он отматывает тряпку у швабры, и все видят нож. Александр бросается в шкаф, Сергей, с «копьем» наперевес, мчится за ним с криком «Мертвые оживут, живые умрут»).

Николай Сергеевич: Мадам, похоже, начиталась моих телеграмм. Долго же они до нее доходили... *(записывает в блокнот)* Проверить работу почты.

(Сергей тыкает своим оружием в запертый шкаф, Александр кричит оттуда)

Александр: Я портной! Шью я здесь! Мастерская здесь у меня! Могу вам рюшечки нашить куда угодно! Да что за день такой! Ира, скажи ему, что я портной.

Ирина: Сережа, это портной, правда.

Сергей: Правда? Не произноси этого слова! Не оскверняй это слово!

Николай Сергеевич: Тамара, что мы здесь делаем? У нас здесь дела?

(вдруг распахивается дверь и раздается голос)

Голос: Благодать.

(Николай Сергеевич вскакивает)

Голос: Мир всем и благодать.

Николай Сергеевич: *(с ужасом смотрит на Тамару)* Это же... Заходите, пожалуйста заходите!

Голос: Праведные не входят в оскверненное жилище. Вы по одному пойдете к нам. Сергей Дройцман *(тот выронил копье)* вы подозреваетесь в проведении спиритических сеансов и сердечной недостаточности. Александр Бессеребренников, вы подозреваетесь в связи с замужней женщиной и проживании в месте, не достойном мужчины. Николай Сергеевич Драгомостов, вы уличены в подстрекании к разврату и поведению, порочащем государственного мужа.

Николай Сергеевич: *(бормочет)* Что это они все подозреваются, а я уже уличен...

Голос: Выходите.

Александр: Ира! Тамара! Ира! *(умолкает, идет к выходу)*

Сергей пытается поднять «копье».

Голос: Нет.

Сергей уходит вслед за Александром.

Николай Сергеевич: Клевета будет наказана *(кричит)* по всей строгости закона! *(пугается собственных слов. Уходит).*

Тамара: Ну вот и все.

Ирина: Все?

Тамара: Пусть там будет, что будет. А мы – здесь. Смотри – вон шкаф у тебя какой стал просторный...